

Валерия Тоголь

Денис Тленевой

Владыки
Омнистера.
Путь
в сердце тьмы

Валерия Гоголь

**Владыки Омнистера.
Путь в сердце тьмы**

«Издательские решения»

Гоголь В.

Владыки Омнистера. Путь в сердце тьмы / В. Гоголь —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831485-8

Омнистер, разрываемый войнами на протяжении сотен лет, готовится к новой войне. На сей раз король Креон призывает свой народ отправиться на север к загадочной цитадели Тенебрис и призвать врага к ответу. Он ведет к его воротам огромную армию, и среди его солдат — воин света, который в самом начале похода получает особую задачу — пробиться в тронный зал и дать бой Темному Повелителю, главе вражеского государства. На его стороне сам Бог.

ISBN 978-5-44-831485-8

© Гоголь В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владыки Омнистера. Путь в сердце тьмы

Валерия Гоголь

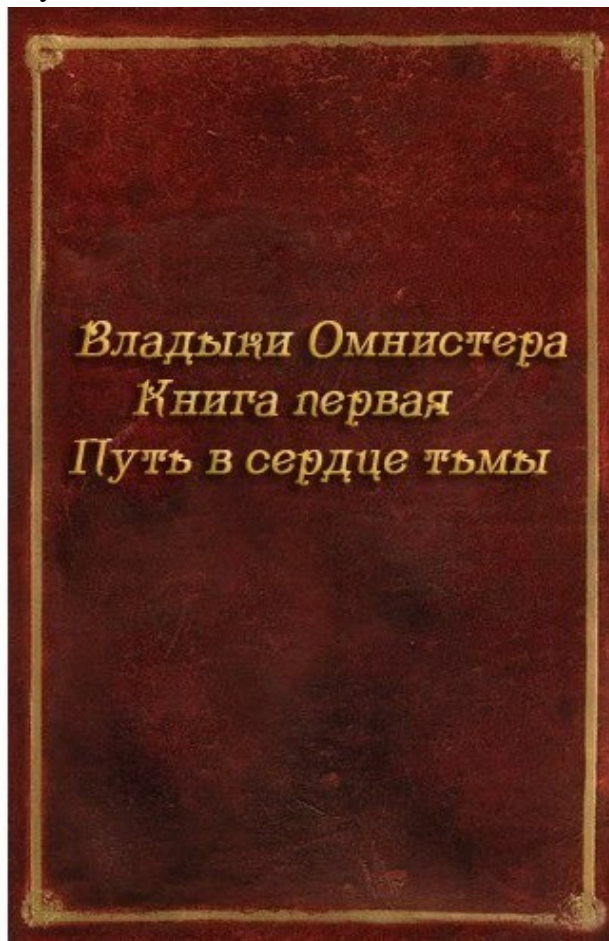
Денис Теневой

© Валерия Гоголь, 2016

© Денис Теневой, 2016

ISBN 978-5-4483-1485-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Облака заволакивали небесную лазурь, но в те редкие моменты, когда они расступались, позволяя ярким, солнечным лучам пролиться на грешную землю, с высоты птичьего полета хорошо становилось видно материк, со всех сторон омываемый темными водами океана. С севера волны яростно набрасывались на скалы вот уже тысячи лет, но безуспешно разбивались об их острые выступы. На западе вода лишь ласково лизала песчаную косу, за которой сразу начиналось залитое светом редколесье, которое по мере отдаления от береговой линии превращалось в темный и неприступный лес. На востоке береговую линию изрезали деревянные причалы, у которых мерно покачивались на волнах корабли. Они то появлялись, то исчезали, растворяясь на горизонте в алых лучах закатного солнца. Так выглядел Омнистер, жестокий, таинственный мир.

Всего в Омнистере насчитывалось четыре государства. В самом сердце континента поселились люди. Их возглавил король. В этой стране, носящей название Инлисус, особое место занимала религия, и монарх правил согласно воле Бога – Коэлума. На юго-западе издревле жили эльфы, у которых совсем недавно наступило затишье в борьбе за власть. Было создано эльфийское государство, Ауритус, установились границы княжеств. Правитель каждого из них отныне мог претендовать на господство. Светлые, Темные, Высшие и Лесные эльфы объединились и готовы были противостоять внешним врагам. На юго-востоке с эльфийским государством граничила обитель гномов, Монтем. Этот крепкий народ занял территорию, по береговой линии которого тянулась высокая горная цепь, а ближе к центру материка стояли одинокие, разрозненные горные вершины, в которых можно было добыть полезные руды и золото. Этим гномы и занимались. Они издревле делились на кланы, где власть наследовал сильнейший из них.

В этом мире каждый учился выживать по-своему. Сильные проживали долгие, наполненные событиями жизни, которые впоследствии входили в историю. Слабые же надолго здесь не задерживались.

Глава 1

Агата родилась в городе Эспиран, который находился на территории государства Инли-сус, почти в самом сердце Омнистера. Этот город представлял собой три широкие мощеные улицы, переплетающиеся между собой более мелкими, узкими с насыпными дорогами. На каждой из них стоял, по крайней мере, один небольшой храм с белеными стенами, широкими, мозаичными окнами и высоко уходящими в небеса остроконечными шпилями. Центральные улицы заканчивались крупными храмами, огороженными стенами, настолько высокими, что за ними было видно лишь то, как ощетинились остроконечные вершины святых обителей. Главная улица начиналась от ворот одного из храмов, а заканчивалась дворцом, и ее ровная линия лишь в центре прерывалась городской площадью округлой формы, откуда вечерами можно было наблюдать, как красиво солнце садится на самый высокий шпиль одного из храмов. У горизонта по небосклону тут же разливалось алое пятно.

Жизнь не дала Агате ни статуса, ни титула. И семьи нормальной тоже не дала. Ее матери трижды приходилось хоронить любимых мужчин, из-за чего на нее с осуждением косилась добрая половина Эспирана. Вдов не любили. Даже во времена войн, когда на кладбищах почти каждый день вырастали новые надгробия. Особенно пристально на нее стали смотреть после похорон третьего мужа, отца Агаты, поскольку он погиб не в бою. Его жизнь унесла эпидемия, разразившаяся в Эспиране внезапно. Впрочем, так же неожиданно она и закончилась. Но женщине было уже не до косых взглядов престарелых соседок, которые обсуждали эту трагедию за ее спиной. На надгробном камне своего последнего мужа она поклялась никогда больше не связывать себя узами брака. Теперь, центром ее жизни стала дочь. Как и подобает хорошей матери, она убеждала Агату в том, что на первом месте у каждого человека должна стоять вера, а все остальное – потом.

Агата лет с семи знала почти каждую церковь в своем городе. Знала, но предпочитала эти жутковатые здания обходить стороной. Мать вовремя почувствовала, как рушится в ее прелестной детской голове стена навязанных убеждений. Ей пришлось пойти на крайние меры.

Но Агата не верила, и поделаться с собой ничего не могла. Ее только раздражало то, как яро мать чтит эти глупые традиции. Она считала, что лучше провести день с пользой, чем око-лачиваться у церковных ворот. Множество ссор видели стены их небольшого дома. Девушка не хотела становиться такой, как ее мать. Но время шло, воспитание делало свое дело, а общество не готово было принять ее другой. И она привыкла. Ей пришлось загнать свою жизнь в рамки, установленные матерью. Она даже почти привыкла к чувству давления, которое оказывало на ее хрупкую фигуру пустое пространство, нашедшее покой под шпилем очередного храма. Привычным для нее стал раздражающий запах ладана, от которого к концу службы начинали болеть виски. Девушка даже смирилась с тем, как важны в жизни верующего ритуалы, значения которых она никогда не понимала. В отличие от ее матери, которая, казалось, не могла найти для себя более спокойного места, чем святая обитель божьего дома. Привыкнуть можно ко всему. Но с каждым годом огонек внутренней веры Агаты все сильнее угасал. Из-за матери, в ее душе сидел постоянный страх – а что, если Коэлум действительно есть?

Вскоре по стране поползли слухи о том, что страна набирает войско, чтобы нанести удар по государству Минатар, которое укрепилось на севере Омнистера, ведь им правил враг. Его силы росли. Никто из простых, невоюющих горожан его и в глаза не видел. Именно поэтому, тяжело было власти заставить народ поверить в то, что там, на севере, поселилась настоящая угроза. И только когда из мелких походов за данью в приокраинные деревни перестали возвращаться люди, народ понял, в какую цену обошлось ему недоверие. Это было задолго до рождения Агаты. Теперь же в существовании врага не сомневался никто. Стране надоело терять своих воинов, и вместо того, чтобы отправлять на верную гибель отряды, они решили нане-

сти куда более решительный удар по черным стенам. Для Агаты эти слухи не значили ровным счетом ничего, ведь все это было так далеко от нее. Где мистическая и загадочная цитадель Тенебрис, а где Эспиран? Куда больше девушку беспокоила мать, которая начала постоянно пропадать в церквях. Иногда хотелось просто сесть за стол и поговорить о чем-нибудь, что не затронуло бы Коэлума, храмы, служение или войну. А этого практически никогда не случилось. Но на сей раз в жизни этой маленькой, суженной до двух человек, семьи, впервые случилось нечто хорошее. Мать Агаты согласилась на предложение руки и сердца одного из военных, которому судьба уготовила путь настоящего героя – возглавить поход в качестве командира. Они случайно встретились в церкви. Наконец-то за всю жизнь, уже немолодой женщине под вернулся действительно хороший человек, который пусть и не обещал ей звезд с неба, зато предлагал спокойную жизнь в качестве жены героя войны.

Но однажды, его включили в состав небольшого отряда, который отправили на границу, разбирать беспорядки в небольшой деревне у окраины, откуда он так и не вернулся. Один из его сослуживцев, который не вошел в состав отряда, добрался до дома еще ничего не знающей вдовы, и, нервно переминаясь с ноги на ногу, немного виновато сообщил, что ее муж пропал на границе вместе с остальными солдатами. И значить это могло только одно – можно начинать оплакивать.

Агата прекрасно помнила тот день, как будто он был вчера. С самого утра небо заволочили свинцовые тучи, изредка сквозь их рваные дыры роняло лучи беспокойное солнце. Ее мать сидела у окна, уставившись в одну точку. Она всю ночь рыдала в голос, а затем поток слез иссяк, оставив вместо себя лишь пустоту, от которой некуда было деться. Эта пустота сжирала человека изнутри, причиняя гораздо больше боли и страданий, чем мелкие, соленые капли, покидающие зеркала души и оставляющие на щеках лишь мокрые дорожки. Взгляд некогда ясных голубых глаз подернулся мутной пленкой. Она сидела у окна, обняв себя за плечи. Лучше бы плакала. Со стороны женщина выглядела жалко, будто состарилась сразу на несколько лет. Девушка подошла и положила ей руку на плечо.

– Не надо... – Агата не узнала ее голоса, настолько глухой и безжизненный он был, – Ничего мне не надо. Сходи лучше свечку в храм поставь.

Матери не нужна была ни свеча, ни храм, ни старая дань традициям – «освещать» покойного. Впервые в жизни вера ничего не значила для нее. Ей просто хотелось побыть одной, осмыслить то, что мужчина, кого она ждала всю жизнь, больше никогда не постучит в эту дверь, не переступит порог и не подойдет к ней. А ведь он так много простил ей. Его не интересовали ее прегрешения. Он просто любил ее и за счастье считал что-то дать ей, сделать ее жизнь хоть немного, но лучше. А теперь она осталась одна. Совсем одна. В ее траурном одиночестве никому не было места, даже родной дочери.

Девушка прекрасно это понимала. Она быстро накинула белый плащ, перехватила его кожаным ремнем на талии и отправилась в самую дальнюю церковь, стоящую на окраине, почти за городской чертой. Эта церквушка была маленькой, ниже основного массива городских зданий. Ворота сгнили, зато к ней прилегал ухоженный дворик. Над зеленой травой возвышались сохранившиеся осколки надгробных плит, а где-то там под ногами лежали первые настоятели, которые внесли свой вклад в эту небольшую часовню.

Внутри было холодно, пахло сыростью, а воздух подернула дымка от зажженных свеч. Агату передернуло – ну не любила она церкви. Деревянные, подгнившие скамейки по обыкновению пустели. В этой церквушке было всего одно мозаичное окно – за алтарем, а свет проникал сквозь небольшие окошки сверху. Она прошла к большой чаше, в которой плавали свечи. Ее шаги эхом разносились по сводам. Она вытащила восковой кружок из кармана, осторожно зажгла его от уже горящей свечи и пустила плавать меж другими огоньками. Она думала о матери, ее новом увлечении, и о том, как скоро она теперь придет в себя. Но душе было тяжело, пространство сдавливало ее, голова кружилась от дыма.

– Здравствуй.

Незнакомый голос застал ее врасплох. Она обернулась, чуть не опрокинув чашу, но вовремя придержала ее рукой. Перед ней стоял совсем молодой настоятель. Мужчина, можно даже сказать, парень, лет двадцати пяти. У него были короткие, пепельные волосы, крупные, зеленые глаза, пухлые, алые губы. Он скинул капюшон на плечи и чуть склонил голову вперед в знак приветствия. Девушка из вежливости повторила его жест. Ее взгляд упал под ноги, но в мыслях зародилось несколько вопросов. Мать с детства рассказывала ей, что для того, чтобы получить в распоряжение церковь, необходимо пройти ряд обрядов. Походить сначала в веригах лет эдак пять, затем пожить в келье, переписывая древние свитки, хотя бы сотен триста, и все это каллиграфическим почерком, затем выполнять, так называемую «грязную работу». В беспокойное время слишком много людей покидает свой дом, чтобы вернуться только на погост и в деревянном ящике. Священникам, прошедшим первые два круга обучения, поручают читать «черные» свитки по покойникам, вести душеспасительные беседы с их близкими, что особенно тяжело, когда вместо тела домой возвращается лишь грудка окровавленных лат или свиток с печатью короля, на котором – имена погибших. Многие матери сходят с ума, теряя своих сыновей, а отцы пылают жадной мести, сами идут добровольцами на верную смерть, но возраст большинства из них был уже давно не призывной. Таких разворачивают домой, потому что смысла в них, как в солдатах, нет никакого. Такие люди порождают четвертый круг обучения – сумасшедшие, переполняющие церковные приюты. И только после того, как ты прошел вериги, оставившие на твоём теле жуткие шрамы, стер руки, переписывая свитки, наслушался родительских слез, и провел миллионы душеспасительных бесед с людьми, которые не в себе, тебе, может быть, доверят церковь. Обычно самые верные своему делу священники, достигают этого лет в пятьдесят, если не погибают к тому времени. А этот парень лишь чуть старше ее. Неужели, за его спиной такие сильные покровители?

– Я не слышала ваших шагов, – ее голос звучал виновато и смущено. Она всегда была неплохой актрисой.

– Я не хотел тебя напугать, – он прикрыл глаза, – Ты часто заходишь сюда, я наблюдаю за тобой время от времени, но сегодня на тебе совсем нет лица. Ты очень печальна, и я решил нарушить твой покой и выйти из тени, чтобы спросить тебя, что стряслось?

– Сегодня не стало одного человека, который очень много значил для моей семьи. На самом деле, в некотором роде, он и был моей семьей. Из-за него теперь печальна моя мама, – она не знала, стоит ли посвящать незнакомого человека в такие подробности, но ей нужно было выиграть время на то, чтобы хорошо поразмыслить о нем.

– Мне очень жаль... Как же так получилось?

– Нужно ли в наше время особое средство, чтобы покинуть этот мир? – она боялась показаться наглой, но голос ее все равно никак не мог скрыть иронии, которая немного заглушала боль и помогала не сойти с ума от горя, – Он был из тех, кто готов был пройти огонь и воду, чтобы выполнить свой долг. Он не боялся смерти за страну и короля. И хотя жизнь так много для него значила, он не посчитал нужным пренебречь святым.

– Да не оставит Коэлум его душу. Да сопроводит он вашего отца в загробный мир! – священник возвел глаза к небу, коснулся двумя пальцами своего затылка и прошептал слова на древнем, неизвестном Агате языке. Привычный поминальный обряд. Свечку можно уже не ставить. Девушка задумалась над тем, что настоятель не понял ее прозрачных намеков, и все же принял мамину страсть за ее отца, но разубедить ей никого не хотелось. Он был близким для нее человеком, а остальное посторонних не касается. Настоятель закончил обряд и снова заговорил приглушенным голосом, – Стало быть, еще одна жизнь покинула наш мир по вине того, с чем мы боремся уже долгие годы.

– Оно забирает наши жизни, а мы не знаем, как с ним бороться, – поправила Агата, – Мы лишь подчиняемся судьбе и умираем с чувством долга, но ведь, поправьте меня, если я

не права, за столько лет мы не нанесли нашему врагу ни единого удара, – от волнения она даже забыла, что находится в церкви, где не принято желать кому-то смерти, но настоятель спокойно воспринял ее слова и даже понимающе кивнул. Она не почувствовала, что надо остановиться и покаяться, как принуждала ее с детства мама. Этого не почувствовал и священник. Она поняла, что смерть близкого человека сильно изменила ее. Если до этого она относилась к ситуации в стране спокойно, руководствуясь тем, что человек, тем более хрупкая девушка, ничего не может изменить в одиночку, если бессильны облаченные в латы мужчины, с детства умеющие держать в руках оружие. То теперь ее объяла жажда мести. Она хотела, чтобы тем, кто находится по ту сторону баррикад, тоже стало больно. Она готова была упиваться тем, что чужие жены, чьи мужья убили ее отца, будут сидеть так же, как и ее мать, уставившись в одну точку и потеряв смысл жизни. Беда не является бедой, пока она не коснулась тебя, но Агата чувствовала, как смерть прошла мимо нее. Резкий порыв ветра обдал костлявую, донес до девушки запах смерти – тлена и разложения.

– Мы все можем бороться! – настоятель положил ей руку на плечо и чуть сжал. Он видел всю внутреннюю борьбу, что проходила внутри его гостя. Его прикосновение грело, – А хочешь? Ты сама хотела бы сделать что-то для того, чтобы помочь уничтожить врага?

– Что я могу? – она потупила взгляд, – Я – всего лишь горожанка, которая продолжает исправно молиться Коэлуму. Но, простите меня, настоятель. Я не понимаю, как он мог дать нашим близким погибнуть? Как он мог отвернуться от мира в такой момент? Он же оставил всех нас самих разбираться с врагом.

– Иногда Коэлум готов нам помочь, но мы не ценим его милости, – серьезно произнес священник, – Пора бы и нам научиться помогать ему. На что ты готова пойти ради того, чтобы расправиться с врагом, по вине которого умирают наши близкие. Многие из них прожили совсем коротенькую жизнь? – он уверенно шагнул вперед, подойдя к девушке почти вплотную. Его руки сжали ее плечи, а дыхание обожгло лоб, – Если я скажу, что ты, лично ты, можешь помочь нам, простым, напуганным людям, на что ты готова пойти?

– На все, – она снова вспомнила убитую горем мать.

– Значит, приходи сюда завтра. Ты – не одна. Нас таких много. И если наш король будет бездействовать или продолжать посылать на верную гибель маленькие отряды, мы сами нанесем удар.

– Самонадеянно... – прошептала она.

– Нет, самонадеянность – грех, а грехов я не одобряю. Грехи – это слабость, а нам всем сейчас нужна сила. Я же говорю то, что действительно имеет место быть. Я не один, ты не одна. Нас таких много. И вместе мы – сила. Мы можем так много, как не может никто, даже король, потому что он – один, и во всем преследует собственные интересы.

Она шумно втянула носом воздух. Как непривычно слышать такое от настоятеля! Но молодой человек явно был с характером, чего порой не доставало другим священникам. Она почувствовала, что внутри нее зарождается чувство полного, безграничного доверия к этому человеку. Вот такими и должны быть люди! Настоящие люди, независимо от того, что на них – корона, монашеская мантия или латы. Мы должны бороться за эту страну и победить, иначе ничего не исправишь.

– Так ты придешь? – вопрос был сухой формальностью, он уже видел, как в голубых озерах ее глаз зажглось самое настоящее пламя.

– Да.

– Свидимся, – сказал он и коснулся двумя пальцами ее затылка, отпуская с миром.

– Одну секунду, – уже в самого выхода из церкви она обернулась и еще раз внимательно всмотрелась в его красивое лицо, – Как вас зовут?

– Максимус.

Глава 2

Маркус внимательно смотрел на карту и думал о том, как очистить север от неприятеля. Как и всех остальных, его очень волновали отряды, постоянно пропадающие на границе. В голове не укладывалось, как могут с карты некогда огромной и великой державы исчезать деревня за деревней. Но больше всего его волновало то, что на той территории, которую занял их враг, можно было отстроить второе такое же государство, даже большее по площади, чем то, в котором ему довелось родиться.

У него был титул, небольшой, но все-таки это отличало его от простолюдинов. Собственное происхождение командира отряда не огорчало. У него не было земли. Ему ее не оставили. А там неужели не найдется клочка для такого, как он, чтобы можно было выстроить поместье и жить себе спокойно? Но кого он обманывал – разве может жить спокойно человек, который собирается отстроить себе по меньшей мере королевский замок и заставить монарха задыхаться от зависти?

Своих родителей Маркус почти не помнил. Они умерли рано, о чем он совсем не жалел, потому что перед смертью, они все же успели обеспечить своего сына деньгами и передать титул. А большего он от них и не ждал. Ему даже в голову не приходило зайти во дворик одной, небольшой церквушки на самой окраине, обойти ее и хотя бы посмотреть на два надгробия, стоящих у самого забора. И это несмотря на то, что в той церкви он бывал чуть ли не каждый день. Поводом для частых посещений стал местный настоятель, с которым командир имел счастье сблизиться. Такое знакомство обещало им быть обоюдовыгодным.

Маркус привык быть один и сам по себе. С тех самых пор, как из родного дома попал в церковный приют, где обучали только будущих обладателей титула. Его отец при своем благородном происхождении все-таки не пожелал даже попробовать пробиться куда-либо, поэтому единственные привилегии, которые теперь были у его сына – это возможность командовать небольшим отрядом. На счет собственного положения, у Маркуса возникали смешанные чувства. Он, вроде как, больше не простой солдат, но какая разница, если ты идешь в самое пекло? Разница лишь в том, что простых солдат убьют сразу, а ему, знающему чуть больше, придется еще хоть немного пострадать, пока те, кто захватил его в плен, не поймут, что он столь же бесполезен, сколь простые войны. К сожалению, он слишком хорошо это понимал, и такое положение вещей его решительно не устраивало, да к тому же беспокоили детские воспоминания, которые никак не хотели забываться.

Каждый день в приюте он видел тех, кому больше повезло с родом – у многих были обширные земли с огромными поместьями, а у него – лишь бесполезный титул. Пока Маркус жил в церковном приюте, он отчаянно надеялся, что там, на свободе, его ждет небольшое поместье, в котором пусть и всего два десятка слуг, но он какой-никакой вассал. Разочарование наступило быстро. Когда он вырос, пересек порог ненавистной церкви, и отправился туда, где стояло имение его отца, то он увидел лишь разваленный особняк с выбитыми, заколоченными окнами, и дверьми, давно сорванными с петель. Вот тогда несчастный и осознал, что кроме титула и навыков боя у него нет ничего.

Маркус продолжал смотреть на карту, и в его глазах блеснул азартный, лихорадочный блеск. Северные земли прельщали его. Если бы он только мог отвоевать хотя бы часть их, он бы отгрохал себе такое поместье, которого не сыщешь не только во всем Эспиране, но и в стране. Даже король удавился бы от зависти. Но первый серьезный поход пока был только в мечтах, хотя уже во всю обсуждался на собраниях в королевском дворце. А на деле же – пропадали отряды, умирали люди. Опустели улицы, светлые плащи в знак траура сменились серыми из грубой ткани, стены каждого дома помнили разрывающий душу плач матерей.

Дверь со скрипом отворилась, и в нее вошел человек, укутанный в белый плащ, перехваченный на талии светлым ремнем. Он задвинул засов, сбросил капюшон и уставился своим пронзительным взглядом на вояку, ожидая, когда тот оторвется от карты материка. Его зеленые глаза в свете факелов горели, как у кошки. Воин терпеть не мог этих мерзких существ, и священников тоже. Но иногда для того, чтобы достичь своей цели, необходимо уметь ладить даже с теми людьми, которых ты не переносишь на дух.

– Здравствуй, Максимус, – он оторвался от созерцания карты и перевел взгляд на священника, – Есть новости?

– А когда я приходил к тебе просто так? – он счел внимание Маркуса за приглашение и тяжело опустился на деревянный стул. Между тем, его взгляд заскользил по помещению, а на лице застыла плохо скрываемая брезгливость. Еще бы, священники жили совсем в других условиях, здесь же на всю комнату – лишь старый, дубовый стол, на котором разложена карта, пара стульев, кровать в углу. На стене висел охотничий трофей – голова оленя с ветвистыми рогами. На последнюю и засмотрелся молодой настоятель.

– Нравится? – командир презрительно хмыкнул, – Когда-нибудь, будет коллекция.

– О, я знаю, чем бы ты хотел ее пополнить, – Максимус улыбнулся так, словно речь шла не о жизнях, а о чем-то столь же простом, как поход в церковь, – доспехами наших врагов. Говорят, они у них такие черные, что даже не блестят на солнце. Как думаешь, легенда?

– Откуда мне знать, – огрызнулся Маркус, – А по поводу пополнить коллекцию, так кто же не хочет? Убить бы хоть одного из них, так ведь пока мы только штаны протираем на собраниях, а могли бы уже на всех парах нестись туда, прихватив катапульты, тараны и магов.

– Маги, – улыбнулся Максимус, – Так они прямо взяли и пошли.

– Зубы мне не заговаривай, умник, – Маркус сплюнул, – Говори, зачем пришел? А перед тем, как ты начал, помни, что бывает с гонцом, который приносит плохую весть.

– Кажется, король решил порадовать нас очередным собранием, – осторожно начал священник, но командир его перебил.

– Мне какое дело? Я бываю лишь на незначительных заседаниях. С моим титулом не пускают в тронный зал, а все значимые собрания, сам знаешь, проводятся там. Я – фигура второго плана, и на сей раз тоже.

– Так и на тебя уже есть распоряжение? – Максимус притворно удивился, а Маркус снова разозлился. Он-то отлично понимал, что священник, будь он неладен, играет одну ему известную роль. Ведь такие люди, как Максимус, все узнают первыми, и им так забавно наблюдать за теми, кто пока не знает, что ему уготовано.

– Ничего интересного. Собрать дань с одной деревеньки, которая находится на...

– На самой границе, – закончил за него настоятель, – Маркус, Маркус. Не умеешь ты мыслить широко. Потому ты еще и сидишь на своем месте, не продвигаясь вверх – ушкобие еще никому не помогало.

– Если тебе есть что сказать – говори, а нет – проваливай к чертовой матери. И без тебя тошно, так еще и твою мантию тут лицезреть, – Маркус поиграл небольшим метательным ножом, нацелился священнику в голову, но кинул его себе под ноги, а Максимус оставался спокойным, потому что точно знал, что вояка не причинит ему зла. В самом крайнем случае, вышвырнет за дверь.

– У меня созрел план, но для начала нужно дождаться одобрения его Святейшества.

Так называли священника, перед которым преклонились все церкви, как перед божьим ставленником.

Война передернуло. Его Святейшество он лично терпеть не мог – в его присутствии командиру всегда становилось не по себе. Хотя, Маркусу надо отдать должное собственному отцу, промотавшему все, что можно. С таким титулом, видеть главного священника ему при-

ходило не часто. Однако, так было лишь на официальных собраниях. Максимус уже давно вел свою игру, которая начиналась с закатом, когда засыпал Эспиран. И там его Святейшество иногда появлялся. Увы, в этой небольшой часовенке сглаживались саны и титулы. Оставалась только ненависть к врагу и жажда мести, которой многие прикрывали желание нажиться. Как, например, сам Маркус. Вот там-то его Святейшество мелькало чаще, чем того хотел командир.

– Когда?

– Завтра, незадолго до рассвета, приходи в мою церковь, – настоятель вздохнул, – Соберемся и решим, как нам действовать дальше. У меня, кстати, будет возможность познакомить тебя кое с кем. Помнишь, как мы с тобой строили план? Так вот, я нашел недостающий элемент.

– Мне с самого начала не нравился твой план. В нем слишком много белых пятен.

– Хочешь сказать, у нас есть выбор? – елеиным голосом пропел Максимус, и глаза его хищно сверкнули.

– Отлично, взглянем на твою находку.

Он пришел, как и полагалось. Церковь была полна народу, причем из безликой толпы часто выныривали знакомые лица и тут же исчезали обратно. Маркус обосновался у выхода, чтобы узнать все, что ему нужно и тут же уйти. Сначала разговор пошел оживленно, и он действительно сконцентрировал свое внимание на информации, но затем понял, что большинство собравшихся здесь людей пытается лишь высказать своим знакомым, как сильно оно обеспокоено ситуацией. Командир сплюнул и уставился на солнце, которое медленно восходило в зенит. Он думал о землях, о поместье, о своей жене и детях, которым хотелось бы оставить чуть больше, чем оставили ему его родители. И так глубоко увяз в своих мыслях, что даже не заметил, как к нему подошел настоятель.

– Он одобрил! – Максимус сиял, как начищенная монета, – Его Святейшество одобрил наш план! То, над чем мы так долго работали – свершится! Наконец-то у нас выпадет возможность все осуществить! – он ликовал, как ребенок.

Максимус схватил воина под локоть и сильно сжал, поддаваясь порыву чувств, – Возможно, ты пополнишь свою коллекцию, Маркус.

Максимус кратко рассказал ему о том, что в той пограничной деревне, куда ранее отправили командира, скорее всего находится небольшой гарнизон врага. Командир почувствовал, как по венам привычно бежит адреналин, а внутри просыпался настоящий охотничий азарт. Настоятель в двух словах напомнил ему свой план и начал рассказывать про девушку, которую можно было под видом мирной сельчанки отправить впереди отряда посмотреть, есть ли там враг, и если есть, то в каком количестве. Воин слушал его краем уха, иногда невпопад кивал. Ему было все равно, кто там пойдет впереди – он готовился к битве. Максимус продолжал говорить про тот самый недостающий элемент своего плана.

– Давай о девушке.

– Она подходит идеально. Ничего примечательного – серая мышь, хотя мордашка вроде симпатичная. Даже жалко.

– В нашем деле нельзя никого жалеть, – отрезал Маркус, – Ну и где твоя разведчица?

– Она должна была прийти сегодня сюда. Я найду ее, а ты стой тут.

– Уверен, что она вообще пришла? – Маркус был настроен скептически, но Максимус и глазом не повел.

Настоятель исчез, чтобы через несколько минут вернуться с незнакомкой. Внешне она действительно смогла бы сойти за простую сельчанку. Светловолосая, голубоглазая, бледная, лицо круглое, никаких примечательных черт. Совершенно типичная внешность для такого климата. Таких сотни. Лучшей кандидатуры не найти.

– Маркус, это – Агата. Агата – это тот, кто введет тебя в курс дела. Не переживай, все продумано.

– Оставь нас, – бросил он настоятелю, и тот мигом испарился, – Завтра в ночь, за несколько часов до рассвета, я поведу небольшой отряд в деревню, которая находится на границе. Это поручение короля – собрать там дань. Но ты отправишься туда раньше меня под видом мирной сельчанки, чтобы узнать, находятся ли там подразделения врага, и если да, то в каких количествах. Твоя задача любыми средствами добраться до деревни до захода солнца и вернуться через три часа. Ты поняла меня? Сможешь?

– Да... – ее голос мгновенно охрип.

– Мы надеемся на тебя, а теперь ступай, отдохни. У тебя завтра трудный день.

Как сложится судьба этой девчонки – его совершенно не волновало. Одно лишь желание охватило его – скорее рвануться в бой. Когда незнакомка поспешила покинуть церковь, он испытал глубочайшее облегчение. Ему не хотелось тратить на нее свое драгоценное время. Что для него, что для настоятеля она – всего-навсего разменная монета. За его спиной неожиданно нарисовался Максимус.

– Ну? – тихо спросил он.

– Посмотрим.

– А что тут смотреть? – искренне удивился Максимус, – Вернется в условленный срок живой, значит, чиста деревня. Погибнет – жаль, но не она в этой войне первая, не она – последняя. Будешь готов.

– Святоша, – презрительно выдохнул воин и отправился прочь. Ему предстоял тяжелый день.

Глава 3

Этому миру не хватало спокойствия – отцов, спешащих домой после рабочих дней, матерей, занятых домашним хозяйством, и изредка поглядывающих из окна на толпу играющих детей. Нет, в этом мире мужчины хватались за мечи, город наполнили вдовы, закутанные в черные плащи и со скорбным, постаревшим выражением лица, а дети, вместо того, чтобы играть друг с другом, мечтали только об одном – как бы отомстить за отцов, для которых гробами стали собственные латы. Стоило только остановиться на улице любого ребенка и спросить, где его отец, как взгляд несмышленища становился серьезным, а детская рука указывала в направлении печально известного холма, на котором находилось кладбище, где отчизна хоронила своих героев. Конечно, с границы трупы никто не тащил, просто жест за несколько столетий, в которые войны разрывали континент на части, прочно вошел в обиход горожан, и они показывали на известное кладбище всегда, когда речь заходила о смерти, где бы ни был похоронен их близкий человек. И почему эти несчастные люди не могут жить в мире и согласии? Зачем одни горячие головы хватаются за мечи, а вторые ставят на себе крест в память о первых? Аргус не понимал. В его храме всегда было уютно и спокойно – свет косыми лучами проникал в молитвенный зал, сквозь высокие, мозаичные окна. Ему не нужно было покидать родных стен, чтобы увидеть несчастные, серые тени – еще живые призраки уже давно мертвых людей, жизни которых поглотило общее горе. Моральные, духовные мертвецы не могли найти себя, вот и ходили по храмам, отчаянно уповая на то, что служение Коэлуму заглушит их боль. Но несмотря на собственный горький опыт потери родных, они не хотели поставить жирную точку на смерти, ведь почти каждый из них горел жадной мщенья, что повлекло бы на гибель последующие поколения. Дань войне, словно Коэлум не один, а позади него, красивая, стальная, холодная Богиня – Война, жертв которой становилось все больше и больше.

Все свое детство Аргус провел в приюте, куда попал сразу после смерти родителей. О них он толком ничего не знал, знал только, что оба они были благородного происхождения, оставили немалую часть земли, высокий титул и приличное наследство в денежном эквиваленте. Однако, они оба ушли из жизни, когда он еще не успел достигнуть сознательного возраста. Почти сразу он попал в приют при центральной церкви, которая, по совместительству, являлась обителью его Святейшества. Этот приют отличался от других церковных приютов тем, что его воспитанников развивали во многих направлениях, в том числе и не совсем церковных – обучали боевым искусствам, работали с их магическим потенциалом, если таковой имелся, ну и, разумеется, давали хорошее светское воспитание. К пятнадцати годам, меч словно стал продолжением его руки, латы воспринимались, как вторая кожа, и даже самые сложные заклинания не требовали большого количества энергетических затрат – все было отточено до мельчайших деталей. Наставники призывали учеников гордиться собой, потому что многие не выдерживали тяжелых условий обучения и бросали. Ему же все давалось легко, словно судьба сама взяла его под свое крыло и провела сквозь все трудности, и только тяжелые тренировки оставили на его теле множество шрамов.

В шестнадцать лет, Аргус, как и подобает остальным воспитанникам, покинул приют. Шестнадцать – тот возраст, когда большинство молодых людей уходило в армию. Его же оставили в той же церкви для продолжения обучения в качестве члена ордена рыцарей, смыслом жизни которых было служение свету. Годы шли, его сила росла по мере того, как он уничтожал нечисть, терроризирующую Эспиран и его окрестности. Слава о нем распространялась все дальше. Вскоре его прозвали защитником города.

Аргус гордился той средой, в которой ему довелось вырасти. Именно в церковных приютах из неокрепших умов мальчишек умели делать настоящих мужчин. И дело было даже не в преподавании им военного ремесла. Просто их воспитывали так, чтобы из них выросли

настоящие патриоты. Аргус обожал Инликус, искренне хотел, чтобы люди, населяющие его, были счастливы. Он ненавидел войну так же сильно, как ненавидел и тех, кто несет смерть. Он считал своим долгом сражаться с нечистью во имя спокойствия Эспирана, а нечистью считалось все, что имеет отношение к Тенебрис. Он понимал, что никогда в жизни не смог бы лишить жизни мирного жителя, потому что осознавал ценность каждой жизни, как никто другой.

Ему нравилось бродить по узким городским улочками и утопать в собственных, мрачных мыслях. Он чувствовал, какую боль таит в себе этот город, где люди живут не так, как должны жить. Он много читал древних свитков, в которых описывались войны, трагедии, сожженные города. И был уверен в том, что так не должно было быть. Сначала эти рассуждения переполняли его голову, кружась там ураганом, а потом, с годами, выстроились в нечто более собранное, постепенно превращаясь в систему. Этот мир стал казаться ему огромным механизмом, в котором все детали взаимосвязаны, и он, этот механизм, работал неправильно, потому что отсутствовало что-то очень важное. Некая шестеренка. Ее недоставало, либо она стояла не на своем месте. И из-за нее, из-за этой крохотной, маленькой детальки люди ходили мрачные, как тучи. Вдовы, дети, желающие мстить за родителей, да мертвые холмики, вместо отцов и мужей. Из-за такой мелочи. Вот бы взять ее и поставить на место, заставить систему, механизм работать правильно. Только нужно сначала понять, что же это за деталь? Его мысли часто не давали ему спокойно уснуть, он все старался определить ее.

Однажды, преисполненный таких мыслей, он мерил шагами улочки города, и набрел на одну небольшую, но уютную и весьма ухоженную часовенку на окраине. Почему бы и не зайти, подумал он. Внутри было мрачно, косые, солнечные лучи, падали на пол, просачиваясь сквозь мутные стекла. Легкие забил затхлый воздух. У алтаря стоял мужчина. Видимо, настоятель, совсем молодой парень, лет двадцати пяти. Тогда они были примерно одного возраста. У него были ясные, зеленые глаза и светлые волосы. Располагающая внешность. Одним своим видом он внушал доверие.

– Приветствую. Что привело вас сюда в этот день? – начал он, заглядывая в свиток, который сжимал своими руками.

– Приветствую, – привычно отвечал паладин, он наизусть знал церковную манеру выражаться, – Да все никак не могу найти душевного покоя.

– Отчего же? Согрешили? – его голос зазвучал с пониманием.

– А кто из нас не грешен? – несколько саркастически заметил Аргус, – Если бы дело было в грехе, я бы знал, за что расплачиваюсь бессонными ночами.

– Даже так? Стало быть, не камень на душе вас беспокоит? – настоятель заинтересовано взглянул на него, его взгляд прояснился, он словно узнал родную душу, но ничего не сказала сначала.

– У вас не возникало такого чувства, что все как-то неправильно?

– Послушайте, а вы... Священник? – настоятель все-таки задал мучивший его вопрос.

– Не то, что бы. Но я сирота, так что все мое детство прошло в приюте при главной церкви, – Аргус никогда ничего не скрывал от настоятелей, считал их правой рукой господя.

– Так вы, считайте, свой, – настоятель прочистил горло и резко перешел на ты, – И что же беспокоит тебя, брат? Что неправильного нашли вы в этом мире?

– Мне всегда казалось, что наш мир – большая система, которая отчего-то работает неправильно. Как будто мелкая деталь отсутствует или находится не на своем месте. Эти люди, спешащие куда-то... Остался ли в нашем городе хоть один человек, за плечами которого нет трагедии? Нет боли? Счастливый человек?

– Боюсь, что нет, – ответил настоятель и кивком велел продолжить.

– Это все неправильно. Мне бы очень хотелось помочь людям. Их боль выжигает меня изнутри, но что я могу. Ночами не сплю – пытаюсь уловить, что же за деталь мешает этому миру работать нормально, и не могу найти. Мои поиски тщетны.

– Хочешь понять, что в этом мире работает против света? Так я тебе покажу, – он развернулся и отправился в церковный подвал, жестом повелевая Аргусу отправиться за ним, тот поспешил, не желая отстать от него и заблудиться в лабиринте подвалов.

Но, в отличие от центральной церкви, здесь подвал не расходился тысячей ходов, а, наоборот, предстал перед ним красиво оформленной комнаткой, на одной из стен которой висела карта, исписанная разными стрелками, значками и символами. Под ней, на тумбочке, лежал крупный кусок охры, очевидно именно ей настоятель черкал свои письма на материке и мелких островах рядом. Больше всего значков красовалось на северной части континента. Алым кругом была обведена цитадель, а по границам печально известной вражеской территории, мелкими точками исчерканы места, где пропадали отряды.

– Вы хотите знать, что за деталь мешает нашему миру работать правильно? Так вот же она. Смотрите! – он ткнул пальцем прямо в Тенебрис, – Вчера я успокаивал безутешную женщину, у которой погиб сын. До этого молодая женщина лет тридцати, уже седая и с лицом, покрытым морщинами, рыдала на моем плече. Они все хотели знать, за что им такое горе. Люди гибнут здесь, – он обвел пальцем границу, – Не добираясь до центра. Из-за него мы не знаем, что такое счастье. Так что, брат, деталь твою знает каждый.

Аргус об этом думал, но никак не мог понять, что же тянет людей туда, на верную гибель.

– Вы хотите помочь этим людям? – спросил настоятель.

– Хочу, – ответил Аргус.

– У вас есть все возможности.

– Но я не знаю, что заставило их родных сложить головы на границе.

– Они гибнут на границе, чтобы не пустить сюда врага. Поговорите с его Святейшеством. Я знаю, он уважает ваш орден. Так неужели он откажет одному из самых известных его представителей? Ведь это именно вы можете сразить то зло, что укоренилось на севере. Подумайте сами, у простых солдат нет той силы, которой наделил вас свет.

Его Святейшество все понял правильно.

– Сын мой, мы уже давно планируем поход. Скоро будет общее собрание, я дам тебе знать, – бросил он и добавил, – Я всегда знал, что члены вашего ордена не останутся безразличными к нашей общей беде!

О собрании священник Аргуса действительно известил, хотя и сделал это в своей излюбленной манере. А именно, за пол часа до начала, просто нашел паладина и поманил за собой. Но у самого входа в тронный зал вдруг остановился и свернул в темный, узкий коридор.

– Сын мой. Я знаю, что ты уже достаточно сделал для этого государства. Но сам свет призывает нас вступить в борьбу со злом, укоренившемся на севере. С каждым днем наш враг крепнет и растет. Если мы не сделаем это сейчас, возможно, судьба не даст нам другого шанса. И орды нечисти захлестнут наше государство. Многие уже сложили головы, отбивая атаки врага на границе. И твой долг – вступить с нами в этот бой.

– Я принимаю его! – от волнения у Аргуса перехватило дыхание.

– Хорошо. А теперь, пойдём к королю.

Глава 4

Небо темнело. Лазурный оттенок заливал антрацитовые тона, и только у самого горизонта болталось алое пятно – все, что осталось от раскаленного, солнечного диска. Вдаль уходил тракт. Его по обе стороны стеной обступал непроходимый лес. Вскоре чернота вытеснила последние лучи закатного солнца, выпустив из мглистых облаков лунный шар, заливающий округу своим холодным, металлическим светом. Рядом с луной рассыпались звезды. Их было немного, но ночь еще не вступила в свои права, так что тусклые искринки в скором времени ожидали подкрепление.

Агата медленно шла вдоль тракта. Деревья в лунном свете казались ей чудовищами, отбрасывали жуткие тени и тянули свои уродливые, когтистые лапы к ее хрупкой фигуре. Она со страхом в глазах озиралась по сторонам, но упорно шла дальше. Ей было холодно и страшно. Она обхватила озябшие плечи руками, с тоской посмотрела на последние, исчезающие лучи заката и осознала, что не успела добраться в точку назначения до наступления темноты. От досады закусив губы, Агата ускорила шаг, не переставая испуганно и затравленно озираться по сторонам. Ее беспокоила нерушимая тишина, совсем несвойственная дикому лесу, где обычно хрустят ветви, трещат сучья, ветер колышет листву, поют ночные птицы. Ее обрадовал бы даже волчий вой, но, видимо, хищники тоже боялись этого проклятого места не меньше людей. Вокруг царит мертвая тишина. Значит, она уже близко.

От этой мысли стало еще страшнее – ноги подкашивались, а к горлу подступал ком. Но выхода не было, ведь девушка сама подписала себе приговор. До последнего ее сдерживало чувство долга, но сейчас захотелось бросить все и позорно сбежать. Только в этом случае под угрозой будут находиться жизни небольшого отряда людей. Она и так не до конца справилась со своей миссией – не успела до заката.

В ближайших зарослях сидел разведчик. У него были грубые черты лица – высокий лоб, впалые глаза цвета серого неба, небольшой рот с потрескавшимися губами, а на затылке черные с проседью волосы стянуты в тугий хвост. С тракта заметить его было невозможно, и он уже довольно долго сидел здесь и следил за Агатой. Чем дальше она заходила, тем сильнее мрачнело его лицо. Как только девушка прошла вдоль по тракту, оставив куст позади себя, разведчик выкинул руку вперед, ощутив на кончиках пальцев до боли знакомое приятное покалывание, и сжал ее в кулак. Вдруг, ноги Агаты оторвались от земли. Она взмыла вверх, увлекаемая неизвестной силой, которая сдавила ее горло, словно гигантская рука вцепилась ей в горло, не позволяя сделать и вдоха. Она поднялась метра на полтора и на секунду зависла в воздухе. Разведчик, резко встряхнув, уронил руку. Неизвестная сила с размаху бросила Агату вниз.

Земля резко бросилась ей в глаза, а затылок словно обожгло адское пламя. «Нет, нельзя терять сознание! Только не сейчас! Это же конец!» – мысль одна страшнее другой ураганом кружились в голове, но было уже слишком поздно. Задыхаясь от собственной беспомощности, она ногтями царапнула землю, пальцами сжимая пучки травы. Перед глазами появились светлячки. А за ними пришла поглощающая сознание темнота. «Все пропало», – только и успела подумать она перед тем, как окончательно провалиться в небытие.

Ее тело распласталось по траве, на которой уже выступила первая роса. Разведчик вышел из кустов, а из соседних зарослей выступил его сослуживец. Они смерили девушку удивленными взглядами и переглянулись.

– Сильно ты её Хэдес – тихо выдохнул второй, – Дышит?

– Да.

– Забирай, потом разберемся.

Он взвалил её себе на плечо и отправился вдаль, вперёд по тракту, его сослуживец поплёлся за ним, они оба растворились в закатных красках.

На собрании не прозвучало ничего нового. Только то, что маг уже знал – грядет поход, на сей раз дело обстоит как нельзя серьезнее. Он медленно вошел вслед за священником. Перед его глазами раскинулся большой, наполненный светом зал. Солнце пускало свои косые лучи сквозь многочисленные окна, заливая солнечными бликами мраморный пол. Король сидел во главе стола и терпеливо ждал, когда же усядутся присутствующие. По воздуху разносились звуки возни и шуршания свитков. Аргус остановился в нерешительности. Креон обвел вошедших равнодушным взглядом и чуть кивнул священнику, разрешая войти. Паладина он будто бы и не заметил.

– Садись и жди, когда его величество обратится к тебе, – велел его Святейшество и прошел на свое место. Аргусу оставалось только повиноваться.

– Итак, начнем наше собрание, – Креон поудобнее расположился на троне и настроился на нужный лад. Сейчас ему предстоит выслушать то, что скажут князья, и речь их воспринимать и соотносить с реальностью всегда было трудно. Цифры, которыми они сыпали направо и налево, имели мало общего с настоящими людьми, территориями и оружием, зато наглядно демонстрировали расклад предстоящего похода, – Что мы имеем?

– Войско, – начал один из князей, имя которого король знал, но постоянно забывал, – Имеем мы войско, которое составляет одну десятую от мужского населения страны. Туда набирались мужчины с восемнадцати лет от роду и до сорока, разумеется, покрепче. Отсюда у нас хорошо укомплектованная армия, в состав которой входят три рода войск – кавалерия, стрелки и пехота, а так же отдельно сформированная ударная группа, состоящая, в основном из магов.

– В основном? А из кого еще? – не понял Креон.

– Аргус и несколько рыцарей, подчиняющихся его ордену, – уточнил князь, – Шансы на победу достаточно велики, но нельзя недооценивать врага, потому что, несмотря на то, что мы знаем лишь дорогу до цитадели, да то, как выглядит она снаружи, остальное остается тайной, окутанной мраком, в том числе, внутреннее её строение. Шпион не смог попасть внутрь, и если бы он даже попытался, – он нервно оглядел своих коллег и снова уткнулся в свиток, почти закрывая им свое лицо, словно таким образом собирался скрыться с нескольких пар любопытных глаз, – У нас не было бы и такой информации. В случае победы, нам достанется одна четверть континента.

– Однако если территория и станет нашей, неизвестно, сколько еще будут происходить конфликты между нами и местными жителями, – осмелился сказать один из князей, совсем молодой, сын одного из наиболее влиятельных людей, когда-либо входивших в королевский совет, но увы, его отец не так давно погиб, обрушив на сына титул и положение, однако, он не планировал так скоро покидать этот мир, и отпрыска на свое место должным образом не подготовил, так что тот пока пытался справляться, и искренне хотел показаться поосведомленнее, но как себя вести – пока не знал.

– Скажите мне, почему должны происходить конфликты между нами и местными? – возмутился король, – Кто мы?!

– Освободители, – дрожащим голосом вклинился тот, что постарше, нервными пальцами перебирая свитки, он хотел как можно скорее сгладить обострившуюся ситуацию, – Мы освободители, ваше Высочество.

– Освободители, – подтвердил Креон, кивком головы показывая, что ответ его устроил, – А как часто на освободителей набрасываются с факелами и вилами?

– Он просто не до конца понимает, – заступился старший, – Молодой, должность упала на него неожиданно. Простите ему его глупость, – он возмущенно сверкнул глазами в сторону ещё молодого, но уже князя.

– Виноват, – тот прикусил язык и смущенно уставился в свои свитки.

– Виноват, – задумчиво повторил Креон и кивнул главному, чтобы тот продолжал, – Давай дальше.

– Дальше. Мы не знаем точного состава вражеской армии, но кое-какие крупницы информации все-таки имеются. Итак, нам известно, что в ее составе имеются люди, оборотни, вампиры и еще ряд существ, описанных здесь, – он достал из-за пояса еще один свиток и демонстративно вытянул его вперед, – Если вы позволите...

– Ну, ну, давай уже его сюда, – Креон снял кольцо и покрутил его вокруг пальца в нетерпеливом жесте, затем дождался, пока престарелый князь сделает ряд широких шагов, упадет на одно колено и вытянет руки вперед, склонив голову так низко, как только сможет. Король с трудом удержался от того, чтобы не пнуть того ногой. Ну почему они так и не научились разбирать, когда уместны все эти почести, а когда гораздо разумнее просто взять и донести информацию как можно быстрее. Наконец, свиток очутился у него в руках. Он наскоро пробежался по нему глазами.

– Вы уверены? – его голос слегка дрогнул, а на лбу выступила испарина, – Вы что, серьезно считаете, что десяти процентов хватит на то, чтобы справиться... С таким?! – его палец уткнулся в рунические письмена.

– Да хватит, даже немного останется, – попытался разрядить обстановку князь, но собравшиеся бросили на него возмущенный взгляд.

– Понятно, – Креон помрачнел, – Что еще мне скажете?

– Есть еще отчет по оружию и облачению, – еще два свитка легли ему на стол, – Все данные там. Мы попытались сэкономить так много, как только смогли. Не стали полностью обмундировывать латных воинов.

– Остальные?

– По возможности.

– Я имею честь представить вам план осады, ваше Высочество! – с места поднялся мужчина с темно-серой кожей, слегка заостренными ушами, крупными желтыми глазами, длинными, серебристыми волосами, собранными в высокий хвост на затылке. Часть князей сразу же опустила глаза, остальные смотрели на него с открытой неприязнью.

Креон с трудом сдержал горький вздох. Этого молодого князя он знал слишком хорошо из-за того, что в свое время его отец был послом, которого он лично постоянно посылал в Ауригус. Тогда наклеивалась хорошая возможность заключить ряд торговых договоров с этим народцем. Грех не воспользоваться такой возможностью. А посол оказался не дураком, решил, что раз уж его жизнь предоставлена службе, то личную жизнь придется налаживать в рабочих условиях. По титулу посол был князем, и отхватил себе эльфийку, тоже какую-то вдовствующую княжну. И где он ее достал, этого уже никто не знал. Король тогда серьезно опасался международного скандала, но, Коэлум отвел. Видимо, у эльфов князей было так много, что пропажу этого существа из темных никто не заметил.

– Давай, Вулканис, – дал добро Креон.

– Наши знания о строении цитадели довольно смутны, да и те расходятся. Но кое-что мы все-таки знаем.

Он, в отличие от своих коллег, никогда не опирался на свитки, все держал в голове, за что король и любил его чуть больше, чем остальных князей, многих из которых нередко желал казнить за бестолковость, – Итак, цитадель огорожена тремя стенами, вот свиток, в котором просчитано возможное преодоление каждой из них, – он уверенно прошел к столу короля и вручил свиток прямо в руки, чем вызвал не гнев, со стороны монарха, а легкую улыбку, – А вот о том, что внутри самой крепости, данных нет, к сожалению. Мы можем примерно предположить нахождение главного, тронного зала. Тут встречаются два варианта. Первый – в самом сердце цитадели. Такой расклад был бы просто замечательным для нас, потому что все ходы, лестницы и коридоры рано или поздно приведут туда. Но обольщаться я бы не стал. Есть еще более трезвая версия на то, где может находиться тронный зал. Это подвалы вражеской крепости, и, ваше Высочество, лично я ставлю голову на отсечение, что тронный зал находится там.

– Впечатляет, – проговорил король, быстро пробегаясь глазами по свитку, – Ну вот что, передай-ка этот свиток вот тому человеку, – он указал князю на Аргуса, – И займи место рядом с ним. Я бы хотел поговорить с вами обоими после собрания.

– Ваше Высочество, – один из князей робко поднял свиток, привлекая внимание короля, – Стоит отметить, что мы единолично вступаем в борьбу с довольно крупным государством. Другие страны отказались вмешиваться и оказывать нам помощь.

– Я это предвидел, – на лицо Креона легла тень, – Я это, можно сказать, предчувствовал. У меня оставалась надежда на то, что к нашей беде останутся равнодушны только эльфы.

– Если нам нужны лишние человеческие ресурсы, то мы могли бы задействовать островную колонию, – предложил князь, хотя на его лице читались сомнения. Креон тоже не был в восторге от этой идеи.

– Колонию оставить в покое. Пусть думают о том, как выживать. Сейчас сезон ветров, у них свои проблемы.

Народ разошелся. Остались Аргус и Вулканис. Король жестом велел им подсесть поближе. Они повиновались.

– Близится час кровавой расплаты с врагом. Он ответит нам за все наши жертвы. Аргус, это ты заставишь его горько пожалеть о всех своих страшных деяниях. Ты доберешься до Темного Повелителя и сразить его.

– Ваше Высочество... Я всем сердцем хочу помочь своему народу, но я лишь защитник я не могу пойти захватывать и убивать, – Аргус задумался и продолжил, – Это идет в разрез с моими идеалами и принципами. Ведь там, где я вырос, меня учили, что самое ценное, что только может существовать в этом мире – это жизнь. Не я ее дал нашему врагу. Не мне ее отнимать. Боюсь, вам придется найти кого-нибудь другого. А за неповиновение, я готов понести наказание.

Он приготовился к тому, что сейчас на него обрушится шквал королевского гнева, но Креон продолжал спокойно всматриваться в его лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.